

Татьяна Веденская

Свадьба моего мужа

«Автор»

2009

Веденская Т.

Свадьба моего мужа / Т. Веденская — «Автор», 2009

Каждой из нас хоть раз, но приходится решать дилемму: деньги или любимое дело? Стабильность или шанс на большую удачу? Любовь или бесконечный унижительный компромисс? Перед психологом Ксенией Брусничкиной эти вопросы встали вместе с ошеломительной новостью: ее муж любит другую. И не просто любит, а женится на ней. Как вернуть себе супруга, с которым связано все самое дорогое: удобный дом, безбедная жизнь, возможность заниматься любимым делом? Или стоит махнуть рукой и начать все заново? Да так, чтобы уж делать только то, к чему действительно лежит душа. А может быть, вспомнить о некогда заключенном пари? Ранее роман выходил под названием «Сезон охоты на бывшего».

© Веденская Т., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая,	12
Глава третья,	19
Глава четвертая,	26
Глава пятая,	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Татьяна Веденская

Свадьба моего мужа

Огромная благодарность Леночке Ксенофонтовой и моему любимому мужу Игорю за помощь в работе над сюжетом

Дилечка, спасибо тебе за мой собственный «прорыв». Без тебя все могло бы сложиться иначе...

Часть первая

Наполовину пуст

Глава первая

Каков подлец?!

Тот день не задался с самого утра. У всех, наверное, случается такое, когда все не с той ноги, все через одно место. Включая сам по себе день. И дождь за окном. Мелкую противную морось, такую мелкую, что, будь она хоть немного поменьше, вполне можно было бы расценить как сильно повышенную влажность. Не люблю такую погоду. Выходить из дома не хочется категорически, потому что опыт ехидно подсказывает – дороги скользкие, и весь город покрыт зубодробительными пробками, из которых только один выход – в кресло к психиатру, лечиться от невроза. Но и дома не авантажно, хочется спать, а стоит высунуться из-под одеяла, как все тело прошибает легкий озноб, который не получается заглушить ни кофе, ни даже горячим чаем в большой кружке с надписью «Жизнь прекрасна, если правильно подобрать антидепрессанты!». Обычно я пью чай и лыблюсь на надпись (автор неизвестен, исполнение Баськи – коллеги моей по работе). Кружечка моя – любимый подарок на прошлый день варенья, тридцать четвертый в моей жизни, если считать вместе с теми, которые я не помню.

А в то утро я не успела даже дойти до кухни, как день взял да и не задался. Уж не знаю как, но я умудрилась споткнуться на абсолютно ровном месте около кровати и шлепнуться на пол. И не просто шлепнуться, а утянуть за собой прикроватный стеллаж с книгами. Вот почему я никогда не могу поставить все в доме так, чтобы оно (это самое все) перестало падать и разбиваться? Наверное, это и называется – плохая карма. И ладно бы я шлепнулась – что тут такого. От меня все постоянно ждут, что я либо грохнусь, либо вляпаюсь в какую-нибудь грязюку. Черта характера! Но стеллаж-то, стеллаж-то тут при чем? А ведь все с него и началось! Да-да, именно с него, потому что он рухнул на пол, высыпав из своего нутра все содержимое, состоящее как из книг разной психологической тематики, так и кучи разнообразных мелочей, крайне трудно поддающихся инвентаризации. И ведь не такой большой стеллаж, ей-богу. А между тем комната оказалась полностью покрыта разлетевшейся ерундой. Стекланые камушки, заколочки, записки самой себе с информацией, которую ни за что нельзя забыть... Да мало ли у взрослой женщины могло лежать ерунды на стеллаже!

– Черт, черт, черт! – завопила я, изумленно взирая на бардак в квартире. Внеплановая уборка никак не входила в мои расчеты, потому что я очень спешила. Вообще-то этот день задумывался как очень важный и очень хороший. Знаковый, можно сказать. Ему предстояло подвести черту под последним полугодием моей свободной жизни. Не самым лучшим, на самом деле. В обед я должна была встретиться со своим мужем. Вот здесь, в этой самой квартире,

окна которой выходили во двор детского садика. Пожалуй, это был единственный, но весьма существенный плюс в жилье, оставленном мне родителями. Квартира, где жил мой муж, всеми тремя окнами смотрела на забитую машинами улицу. Как же я все-таки не люблю грохот и вонь от машин! Хоть я и сама – автомобилист со стажем, но так и не научилась спать под грохот города. Вот муж – тот плевал на все эти помехи. Пять минут просмотра новостей – и он уже улетел в мир Морфея, предоставив мне вертеться в одиночестве. Я же то открываю окна, то закрываю их, но быстро задыхаюсь и распахиваю вновь, только чтобы понять, что за окном воздуха не намного больше, чем внутри квартиры. Крылатское в этом плане выгодно отличается от Сухаревской – здесь все-таки есть чем дышать. Однако я бы многое отдала, чтобы снова задыхаться по ночам в квартире на Сухаревке. Дело в том, что я перебралась в Крылатское не совсем по своей воле. Вернее будет сказать, что совсем не по своей. Это Котик решил, что нам необходимо пожить некоторое время отдельно.

– Мне нужно разобраться в себе, – сказал он мне, после чего меня, не дав и слова встать, переправили на северо-запад Москвы и оставили одну. Конечно, это произошло не просто так. Следует признать, что решение Котика все же не было внезапным или неожиданным для меня. О том, чтобы пожить раздельно, разговоры велись вот уже год. На протяжении его мы старательно пытались не задевать друг друга, не цепляться к словам и не затевать сцен. Старались, но ничего не получалось. Не могли мы удержаться.

– Где ты бродил, почему ты приперся в два часа ночи?! – спрашивала я, стараясь сдерживаться и не заводитьсь.

– Не твое дело! Я работаю, дай мне поспать! – пытался не реагировать он. После мужественной попытки установить цивилизованный диалог мы в большинстве случаев принимались орать друг на друга и говорить друг другу такое, от чего волосы начинали шевелиться. В результате однажды Котик пришел с работы неожиданно рано, молча побросал мои вещи в большой чемодан, с которым я в свое время летала в Турцию за шмотками, и поставил меня перед фактом – поживем-ка отдельно.

– Какое-то время, – заверил он меня тогда.

Какое-то время заняло полгода, за которое я перестала дергаться от каждого шороха в пустой и слишком тихой для меня квартире и уже почти научилась не звонить Котику по ночам, чтобы обсудить вопрос «кто из нас виноват, что так получилось, и что надо было делать, чтобы этого не произошло». И вот после долгого ледникового периода между нами, кажется, наметилась некая оттепель. Он позвонил мне накануне и предложил пообедать.

– И зачем? – поинтересовалась я.

– Я думаю, нам надо поговорить, – сообщил он мне. Я очень обрадовалась, потому что он, считавший, что нам лучше всего не общаться, первым нарушил обет молчания.

– О чем? – осторожно, чтобы не спугнуть удачу, спросила я.

– О нас, – вкрадчиво сообщил мне муж.

– Котик, правда?! – обрадовалась я. Откровенно говоря, жить одной было скучно и неправильно, особенно когда нет никаких причин для этого, кроме поздних приходов любимого мужа домой. И иногда устойчивого запаха «Пуазона» на его пиджаке. Я не пользуюсь «Пуазоном», мне не нравится запах. Но в последние месяцы я уже начала подумывать, чтобы прикупить себе флакончик. Так, чтобы лишний раз не дергаться попусту.

– Да. Ты когда дома бываешь? – из чистой вежливости поинтересовался он, ибо знал, что для него я буду дома в любую удобную ему минуту.

– Всегда! – по-армейски ладно отрапортовала я. Котик подумал и сказал, что подъедет завтра к обеду. Я дала отбой и кинулась звонить Баське. Мы судорожно составляли меню завтрашнего обеда, с тем чтобы он включил в себя полезные для мужской потенции элементы.

– Грецкий орех? – предлагала Баська.

– Не любит, – кусала губы я.

– Морепродукты?

– Исключено! Аллергия!

– Проблема, – причмокнула она и полезла в Интернет. Через пару часов было составлено меню из пяти провоцирующих мужчину блюд сложного обозначения и еще более сложного изготовления. Но что для влюбленной женщины сложность рецепта – пшик! Я такие блюда готовлю, если в охотку. А уж когда речь идет о воссоединении семьи...

– А как ты думаешь, что способствовало таким переменам? – любопытствовала Баська, рабочий день которой в силу перманентного отсутствия клиентов был пуст и уныл.

– Я думаю, он понял, как ему невыносимо плохо без меня, – предположила я.

– Ты серьезно? – хмыкнула подружка. – И какой ты после этого психолог?

– А прекрасный. Умеющий поддерживать в себе здоровый оптимизм, – отрезала я. – А если честно, думается мне, что эта его мадам – ну, любительница «Пуазона» – надоела ему. Вот и весь секрет. Сколько уже времени прошло-то.

– Это возможно, – согласилась с версией Бася. – Ксюшка, а тебе не запахло его так просто прощать? Может, тебе тоже налево пойти? Чтобы не обидно было!

– Что я слышу? Опять? – разозлилась я. Вечно Баська норовит совратить всех с пути истинного. – Мне скоро надо будет платить за тренинг, а вдруг супруг меня застукает? Не то обидно, что мужик гуляет, а что тренинг мимо пролетает!

– Это аргумент! Сыт не едок, а на тренинги ходок, – согласилась она. Всем известно, что единственное, от чего я никак не могу отказаться, это от профессиональных тренингов по повышению квалификации. И вообще, я готова простить все, что угодно, при условии, что мне не будут мешать ездить на мою пусть и малооплачиваемую, но очень любимую работу. Не всякий человек может похвастать любимым делом, а вот мне повезло. Вот уже лет десять, как я тружусь на ниве психологической работы с населением, хоть это самое население и не балует меня гонорами. К сожалению, в России психолог – это что-то между массажистом и гадалкой. По мнению всемогущего большинства, конечно.

– Значит, ты меня завтра подменишь? – уточнила я и побежала составлять план. Я написала буквально каждую минуту завтрашнего дня. В каких магазинах купить продукты, что за чем готовить, как сервировать стол, какое платье надеть и как, наконец, мне накраситься. В общем, приступ вдохновения был налицо. И на тебе! Вместо радостного ленивого утра, за время которого я должна была помлеть в ванной, привести себя в порядок (включая эпиляцию, черт возьми) и заодно сделать новый маникюр, – я судорожно прыгала между завалившимися весь пол трактатами по психологии и самопознанию. У меня их много, очень много, поверьте. Уборка «съела» половину отведенного на релакс времени. Кроме того, я обнаружила, что при падении разбилась хрустальная статуэтка Нефертити, привезенная мною из Египта. Настроение окончательно испортилось, и я решила оставить мужа без эпиляции (пусть страдает, гад). Скоропалительно облившись душем, я выскочила из убранного с горем пополам дома, села в свою «Шкоду» – усладу одиноких дней – и полетела в магазин за ингредиентами к эротически полезным блюдам. Правда сказать, после такого утречка секса не хотелось, хоть ты тресни. Но что поделаешь, есть такое слово – надо.

Магазин с нужным ассортиментом дислоцировался довольно далеко от дома – на Кутозовском проспекте. Тьфу, все-таки вредно так долго жить отдельно от мужа, начинаешь забывать, где на самом деле дом. На Сухаревской. На ней, родимой. Там я каждый уголок знаю, каждую подворотню. Там ходит в колледж моя дочь. Там по утрам из метро невозможно выйти, потому что всего один вход, а народ прет напролом и, как в «Чародеях», не видит препятствий. Впрочем, я уже давно захожу в метро, только если ломается машина или пробки норовят стать похожими на парковку.

– С вас три тысячи двести семь рублей, – хмуро сообщила мне продавщица. Я подумала, что у нее, наверное, день тоже не задался.

– Не вопрос. – Я отсчитала деньги, но внутри что-то все-таки екнуло, потому что денег было не так уж много. Мне страстно захотелось выбросить из корзины грибы-шиитаки, от которых еще неизвестно, что и где встанет, а стоили они, как полгарема раджи. Всего-то три гриба!

– А без сдачи нет? – прорычала продавщица, глядя на мои четыре купюры.

– А вам что, лень идти разменивать? – хотела спросить я, но постеснялась. Патологически не умею говорить людям в лицо то, что думаю. Прямо вся перекашиваюсь, как представляю, что они могут при этом чувствовать. И что могут мне ответить. Размен денег – разве это не ее прямая обязанность?

– Придется ждать, – строго сказала девушка и ушелестела куда-то с моими деньгами. Я стояла, ждала сдачи и думала, как и что мне намедитировать, чтобы вернуть этому дню позитивный заряд. Пока я развлекалась работой над собой, не заметила, как промелькнуло еще минут десять.

– Странно, почему так долго? – вслух удивилась я, заметив, что у кассы собралась достаточно большая и зубастая очередь. Наконец продавщица вернулась, еще более злая, чем уходила.

– Забирайте сдачу! – рывкнула она, швырнув деньги на прибитую к пластику тарелку. Я покраснела, засунула деньги в карман, чтобы не тратить время на размещение их в кошельке, и пошла, чуть было не забыв эти хреновы «шиитаки».

Так, секса что-то не хочется совсем, расстроилась я. Попробовала представить себе весь поток негативной энергии в виде столба света, но получился только жиденький ручеек грязи. Я полила его мысленно чистой водичкой, попыталась превратить в широкий полноводный ручей, но бросила это дело, поскольку могла забыться и вообще везде опоздать. Согласно плану мне уже пора было начинать готовить столь важный для меня обед.

Я отъехала от магазина и покатила в сторону Рублевки. Поскольку я двигалась из центра, мне надо было повернуть в Крылатское с шоссе. Собственно говоря, я именно так из Крылатского уезжала, теперь просто надо было вернуться внутрь района. Однако Рублевку перекрыли. О, в этих двух словах звучит самая дрянная песня, которую я только знаю. Рублевку перекрыли, Рублевка стоит. А когда стоит Рублевка, она превращается в бесконечную ловушку как для дорогих иномарок, так и для простых пятилетних «Шкод» с сидящими внутри женщинами, мечтающими помириться с мужем.

– Ну почему, за что, за что?! – Я испуганно лупила по рулю, не в силах совладать с эмоциями. До дома оставалась всего пара-тройка километров, но у меня не было ни одного шанса их преодолеть. Покопавшись несколько минут в своей сумке (вот уж действительно шикарный пример бездонности, набитой кучей чепухи), я достала оттуда свой мобильник и принялась названивать Лиле – моей пятнадцатилетней дочурке, у которой уже имелось тело прекрасной женщины, но все еще функционировали мозги ребенка. Взрывоопасная смесь!

– Лиль, привет, – начала было я, но трубка ответила мне короткими гудками. Сорвалось, подумала я. Набрала еще раз. Трубка дала сигнал. Другой. Я уже приготовилась объяснить ей, что случилось, чтобы она предупредила папу, что я задержусь. Но деточка решила трубку не брать и дала отбой. На экране высветилось «вызов отклонен». Я разозлилась. Да, я прекрасно знаю, что Лилька на любой мой звонок реагирует как на досадную помеху (непонятно только почему), но сейчас не время и не место игнорировать мать. И вообще, как так получается, что из чудесных пухленьких ангелочков, умильно цепляющихся за вашу юбку, потом вырастают колючие чужие люди? Куда делась моя любимая малышка? Откуда взялось это уродливо накрашенное чучело, больше похожее на женщину легкого поведения, чем на школьницу, заканчивающую колледж и готовящуюся к поступлению в МГУ. Однако все это – именно моя дочь. С пятого раза она все-таки взяла трубку.

– Ну что тебе? – Она заговорила голосом усталого шахтера, отработавшего четыре смены подряд, наглым образом поднятого с кровати. У нее для меня на выбор есть целый модельный ряд голосов: усталых, измотанных, жутко занятых, почти спящих, очень спешащих и т. д. и т. п.

– А что ж ты не решилась вообще отключить телефон, чтобы не отвечать матери? – съязвила я.

– Мам, не надо, а, – взмолилась она голосом страстотерпца (это что-то новенькое).

– Не буду, – не стала я сопротивляться. – Скажи, там папа ко мне собирается?

– Ну, а я откуда знаю, – завела было она.

– Лиля! – пригрозила я.

– Ну, да. Он сказал, что у него дело, а после него он поедет к тебе.

– А что еще сказал? – Эх, ничего не могу с собой поделать. Постоянно использую дочь как шпионку.

– Еще? Да ничего...

– Совсем ничего?

– Совсем! Сказал, чтоб я была умничкой. Тебе и это надо передавать?

– Не надо, – смилостивилась я. – А скажи, в каком он был настроении с утра?

– В нормальном, – зевнула дочь.

– Что значит «в нормальном»?! – возмутилась я. – Ты же дочь психолога, что, не можешь назвать эмоцию своим именем? Он был радостным? Равнодушным? Встревоженным? Каким?

– Он был занятым! И я, кстати, тоже. Мам, мне уроки надо делать.

– Не ври, ты уроки раньше трех не делаешь. И потом, почему ты вообще дома?

– У меня насморк, – резко изменившимся голосом сказала она. Так, значит, прогуливает. Надо будет пожаловаться отцу. Впрочем, не сегодня. Никаких плохих новостей за нашим обедом примирения.

– Отлично. Значит, нечего больше сказать?

– Ну, он был довольным. Напевал себе под нос.

– Это уже что-то, – довольно выдохнула я. И положила трубку, к вящей радости доченьки.

Интересно, если ей трудно посещать колледж, находящийся в пяти минутах ходьбы от дома, как она будет потом ездить в университет? С ее-то ленью! Хотя, если честно, больше всего меня интересовало настроение Котика. Судя по всему, мы сегодня окончательно помиримся. В последнее время между нами заметно потеплело, а теперь он перед встречей со мной напевает под нос. Хороший признак. А что? Он, конечно, красивый мужик и вообще – милый и привлекательный для многих. Но так и я не лыком шита. Какие у меня недостатки? Да практически никаких. Вот только если маленький рост, зато любой мужик на моем фоне может почувствовать себя исполином. Особенно мой муж – ему я вообще почти что по пояс. А в остальном – симпатичная маленькая женщина. Мужчины от таких тащатся. А на кости они не бросаются. Так что не буду я комплексовать. И о носе думать не буду. НЕ БУДУ! Я – красotka. Он меня любит и хочет помириться. Приедет с цветами, встанет на колени и попросит прощения. Стоп, на колени не встанет. У него брюки дорогие. Но прощения попросит, сто пудов. Он любит такие красивые театральные сцены. Однажды после какой-то очередной интрижки он пригласил меня в изысканный французский ресторан, где при свете какой-то дикой кучи свечей мне сыграли оду. Да-да, три музыканта со скрипками и еще какой-то пикиалкой побольше встали за спиной моего Котика и что-то грянули. Я не большой спец по части музыки. Да и вообще я мало в чем спец, кроме своей работы, так что о музыкальном искусстве сужу только по тому ассортименту, который предлагает радио. И еще по тем мелодическим фрагментам, которые я использую в семинарско-тренинговой работе. Так что не знаю, насколько хорошо было то, что они играли. На мой взгляд, было громковато. Но мне очень, очень понравилось. Конечно, я его простила. Я по жизни не слишком ревнива, ибо как специалист в области психологии понимаю всю бездну, лежащую между женским типом мышления и мужским. Бывают, конечно, исклю-

чения, но в целом для мужчин любовь и секс – вещи разные. Так что я особо не задумывалась, когда муж неожиданно задерживался на работе. Возможно, я так и не узнала бы ничего тогда, если бы не он с его виноватым видом и бегающими глазками.

– Ты должна знать, дорогая, что я люблю только тебя. Спасибо тебе, что ты есть. И что терпишь меня – такого непутевого. Давай выпьем за тебя, Ксюша, – сказал он мне, поднимая бокал с искрящимся шампанским.

– Не вопрос, – согласилась я. Потом, конечно, я пережила несколько неприятных минут, когда в голову полезли непрощенные мысли о том, что именно он делал и с кем, если теперь так сильно раскаивается. Но его обходительность и всякие приятные мелкие знаки внимания, которые иногда стоили ему довольно больших денег, сгладили все острые углы. И все-таки мимолетные случайные связи – не самое страшное. Думаю, многие со мной согласятся, что нет смысла портить себе нервную систему ради того, чтобы выяснить, чем именно мужики могут заниматься на корпоративных вечеринках или на деловых переговорах в саунах Москвы.

– Главное, чтобы семья оставалась для него главным, – уверяла меня Басья. – Ты бойся не его пьяных срывов, а бойся, когда он станет приходить поутру трезвым и отворачиваться от тебя, избегая смотреть в глаза.

– Что ты имеешь в виду? – уточнила я.

– Одним словом, не бойся ста мелких интрижек, а бойся одного большого романа, – вздохнула она. Кому как не ей это знать – ее супруг каждую весну устраивает аттракцион «я встретил другую». Сколько слез было пролито Баськой из-за висящего на волоске брака, сколько нами исполнено виртуозных обходных маневров! И, к слову сказать, Бася все еще замужем, так что все не пропало впустую.

Наконец я свернула с Рублевки на Крылатские Холмы, выполнив маневр, сходный с выдавливанием пасты из давно уже закончившегося и засохшего тюбика. По капельке, по сантиметрику растолкав озверевших водителей, я все же свернула в глубь района и выдохнула с облегчением. Как ни крути, а я еще могла все успеть. До обеда оставалось больше двух часов. Кто меня хорошо знает, тот поймет, почему в такой день мне было очень важно все успеть. Дело в том, что я катастрофически, фатально опаздываю везде, где только можно и нельзя. Сама не знаю, как так выходит, но, честное слово, в большинстве случаев обстоятельства складываются так, что я абсолютно ничего не могу поделать. Опять же, карма. Но на моего супруга такие слова, как карма, психология, терапия, тренинг или семинар, наводят страшную скуку и зевоту. Для него вообще всё, на чем нет возможности сделать деньги, – пшик, пустой звук. С этим ничего нельзя поделать. Он как считал мою работу развлечением, своего рода хобби – так и останется при своем мнении, даже если я защищу докторскую диссертацию. Впрочем, до диссертации мне очень далеко. Работа без чемодана с сотней тысяч долларов – это клуб по интересам. В какой-то степени это так и есть, особенно у нас в стране. Однако никому не интересно, что я-то своим делом занимаюсь профессионально.

Короче, опаздывать на обед, давая мужу в очередной раз посмеяться над моей безалаберностью и умением отыскивать самые большие пробки в городе, мне совсем не хотелось. Поэтому, стоило мне вырлиться на просторную и совершенно пустую улицу, я, конечно же, прибавила газу. Мне бы вовремя вспомнить, что если день не задался с самого начала, то нечего ждать хорошего продолжения. Но я летела навстречу своей судьбе, убаюканная бархатной музыкой радио «Релакс». И вот, за поворотом, прямо посередине встречной полосы, стояла моя судьба. На сей раз она предстала в виде маленькой черной собачки непредсказуемого генетического микста. Эта помесь уже многократно мутировавшей дворняжки и, кажется, кавказца, стояла на дороге, как у себя дома, и растерянно смотрела по сторонам.

– Пошла прочь, дура! – зашипела я на псину, изо всех сил замигав ей дальним светом. И хотя собачка торчала на противоположной стороне, я все равно испугалась. Она явно была

дезориентирована и не понимала, какой опасности подвергается, стоя на проезжей части. Еще минута, и ее обязательно сбил бы какой-нибудь любитель быстрой езды.

– Кыш! Кыш! Убегай, кретинка, – закричала я, лихорадочно соображая, что же делать дальше. Я, конечно же, нажала на сигналку, ожидая, что громкий звук спровоцирует тупую зверюгу к действию. И, надо сказать, что не совсем ошиблась, строя это предположение. От резкого громкого сигнала собачка реально дернулась всей тушкой и побежала. Н-да. Только не туда, куда мне бы хотелось, то есть не на тротуар, а, напротив, в сторону моей половины дороги. Иначе говоря, животное задумало броситься прямо мне под колеса.

– Ну уж нет, – я сжала зубы. Не в моих привычках было убивать беззащитных животных, пусть даже и никому особо не нужных. Я вцепилась в руль, чтобы меня не занесло на скользкой дороге, и нажала на тормоза. Я не была уверена, что маневр поможет. Скорость-то у меня была приличная. Но поскольку иностранный автопром первойшей своей задачей почитает безопасность дорожного движения, все у меня получилось. И уж с чем с чем, а с тормозами у моей «Шкоды» все в порядке. Встала, родимая, как влитая. Прямо перед песиком, который, остолбенев, вытаращился на меня, так и не сделав и шагу в сторону тротуара. Я выдохнула и совсем уже собралась вытереть со лба выступивший пот, как вдруг...

– Твою мать! – ахнула я, так и не поняв до конца, что случилось. Буквально на мгновение я услышала резкий визжащий звук, после которого меня безо всякого усилия с моей стороны бросило вперед, прямо на собачку. После этого все затихло. Собачка, встрепенувшись, отскочила наконец в придорожные кусты, а я осталась сидеть на месте, собирая мысли в кучу. И что это было? Полтергейст? Или у меня разом лопнули все четыре колеса? С чего бы? Однако через минуту все прояснилось. Стоило мне робко поднять свои нежные голубые глаза на зеркало заднего вида, как оказалось, что в нем отражается большая черная машина неопределенно-крутой марки, надежно впечатанная в мой собственный бампер.

– Кажется, я все-таки не успею на обед, – тихо прошептала я, глядя, как из внедорожника вылезает разъяренный мужик явно криминального вида.

Глава вторая, в которой мне становится не по себе

Уже довольно давно учеными выяснено, что первое впечатление о человеке складывается всего за тридцать секунд. То есть за какие-то тридцать первых секунд, в течение которых в большинстве случаев ты не успеваешь даже пальто снять и поправить челку около зеркала в прихожей. Ты еще собираешься с духом, лихорадочно припоминаешь слова, подготовленные для знакомства, но дело-то уже сделано. Все кончено, о тебе уже успели сформировать четкое устойчивое представление. Именно поэтому, когда ты переступаешь порог и надеваешь на рожу пристойное для сего торжественного мгновения выражение лица, тебя встречает хмурое усталое «давайте, что там у вас...». Когда ко мне как к психологу обращаются люди, умудряющиеся годами получать отказы от потенциальных работодателей, я стараюсь выстроить работу таким образом, чтобы переломить именно этот их внутренний посыл первых тридцати секунд. Ведь что мы имеем в эти тридцать секунд? Нервозность поведения, помноженную на раболепный наклон головы, покорный взгляд и опасливую походку. В лучшем случае соискатель успеет сказать:

– Здравствуйте, можно?

– Прошу вас, – кивают ему, а внутри мозга менеджера по персоналу уже проносятся видеоряд, снабженный короткими подписями: «мямля», «рохля», «приспособленец», «неряха», «лизоблюд» или вообще просто «не знаю что, но что-то в нем не то». С этим сложнее всего. И так-то весь описанный процесс носит характер подсознательный, не поддающийся контролю. Причем многие оцениваемые факторы сознанием даже не фиксируются. Это я про всякие там запахи, жесты, отталкивающие мимические сигналы.

– У меня богатый опыт работы в данной области, я трудоспособная, усидчивая, неконфликтная, вот мои рекомендации, вот справки, анкеты, дипломы и сертификаты... – начинаете частить вы, но в ответ раздается сакраментальное «нет».

– Мы вам обязательно перезвоним, – сухо отвечает менеджер, не поднимая на вас глаза и изображая повышенную занятость с помощью переключивания с места на место ваших же бумаг. И все, вы едете домой для того, чтобы слушать глухую телефонную тишину, думать о том, где взять денег на оплату квартиры, и мучительно копать в себе, пытаясь найти причину. Что вы не так сказали? Что не так сделали? Какие еще нужны бумаги этим извращенцам из отдела кадров? И вообще что они о себе возомнили? Да таких мест полно, тем более в Москве, где наблюдается жесточайший кадровый голод. Но нет, лягушку возьмут, таракана возьмут, какому-нибудь нелепому суслику место предложат, но такого орла, как вы... опять оставляют за бортом. Почему-у-у-у?!

– Трудно сказать, – успокаиваю таких клиентов я. – Да и не это важно.

– А что? – всхлипывают они.

– Как водится, надо искать ответ на вопрос «что делать?», но нам интереснее узнать «кто виноват?».

– И что же делать?

– А вот что. Наша с вами задача называется «слом сценария», – ласково отвечаю я. Дальше с тем или иным успехом мы начинаем терапию. Хотя большинство подсознательных сигналов, кодовых информационных посылов изменить нельзя, путаницу в их трактовку все же внести можно, причем достаточно легко. Несколько индивидуальных сеансов, немного старания и контроля над собой – и вожаемое место падает в руки моего пациента, как запретный плод на ладонь Евы. А затем клиент понимает, что грехопадение совершено и без помощи психолога ему дальше карьеру не продвинуть. Так и живем, они не могут без нас, а мы, как водится, без них. Клиенты и психологи, психологи и клиенты – это как Инь и Ян, одно без

другого бессмысленно. В России, к сожалению, этот тандем возникает гораздо реже, чем хотелось бы.

– Девушка, вы будете выходить из машины? Или нет? – раздался грозный голос с другой стороны бездны.

Около окон моего автомобиля маячил, нервно переминаясь с ноги на ногу, нетерпеливый представитель среднего класса плюс (суперплюс). Что я могу сказать о том впечатлении, которое я получила в первые тридцать секунд нашего общения? Поскольку все тридцать секунд он бегал исключительно вокруг своего автомобиля, то нагибаясь, чтобы получше рассмотреть всю глубину столкновения одного бампера с другим, то выпрямляясь и вглядываясь в даль, словно ответ на его вопрос написан на одном из больших рекламных плакатов, развешанных по стенам домов, стоящих вдоль дороги, то мое впечатление о незнакомце было двояким. Когда он склонился над бампером, мне казалось, что передо мной человек мягкий, чувствительный и неспособный на какую-нибудь каверзу. Столько в нем было нежности к бамперу и вообще к машине, что просто не верилось, что он мог оказаться плохим человеком. Кроме того, мужчина в силу невысокого от природы роста (даже по отношению ко мне он не дотягивал до средних стандартов, так как был выше меня максимум на пару пальцев) не производил пугающего впечатления, не настраивал на боевой оборонительный лад. Но стоило ему выпрямиться и посмотреть вдаль каким-то нереально колючим, цепким взглядом, становилось ясно, что передо мной мужчина властный, умеющий с холодной головой просчитать все возможные варианты, а опосля такой же холодной рукой нажать все нужные кнопки и нанести все необходимые удары. Его дорогая одежда черных тонов, пусть даже и несколько небрежно надетая, и очень-очень большая машина – все это явственно указывало на комплекс Наполеона. Так что, когда мужчина стоял и смотрел вдаль, я начинала обливаться холодным потом. Ничего хорошего, судя по жесткому блоку на его челюстях, мне ждать не стоило.

– А что, надо? – Я приоткрыла дверь, заодно немного сжавшись в комок на случай, если дальше он станет выволакивать меня из машины за шиворот.

– Интересно, а вы не хотите взглянуть на произошедшее? – ехидно заметил он.

– Да что там, собственно, я смогу понять? – совершенно искренне ответила я. – Я же не автомеханик!

– Да что вы? – Злорадство в голосе прослеживалось без сомнения, но тон оставался ровным. – Если уж на то пошло, то вы, видимо, и не водитель ни хрена.

– Это еще почему? – удивилась я, но раз насильно из машины не выкидывали, я решила все-таки выйти по доброй воле. Потому что судьба бампера моей машинки мне тоже не была безразлична. Как ни странно.

– Потому что нормальный водитель не будет вот так замертво столбенеть посреди дороги. Впрочем, что с вас взять? – Представитель российского криминального (как мне показалось в первые тридцать секунд) бизнеса презрительно смахивал с рукава идеально чистого пиджака несуществующие соринки. Известный в психологии жест скрытого конфликта. Я решила не давить на газ и двигаться вперед понемножку.

– Что вы имеете в виду? – Все-таки в голос просочилась капля задетой гордости.

– Если бы это не было нарушением декларации прав личности, я бы блондинкам права не давал ни за какие деньги! – исчерпывающе высказался он. Я успела поймать себя на мысли, что он красиво высказал обычную мужскую банальность.

– А вам не кажется, что было бы разумнее перенаправить вектор преломления субъективной интерпретации объективной информации в обратном направлении? – не сдержалась и высказалась я.

– Что? – Владелец **ОЧЕНЬ БОЛЬШОЙ** машины на секунду растерялся и застыл. Я смотрела на него, не без удовольствия отмечая следы недоумения на красивом волевом лице. Ему бы прибавить сантиметров... тридцать... пять – получился бы нормальный Аполлон. Правиль-

ные черты лица, решительный вид, красивый мужской подбородок, и даже небольшая седина в волосах его не портила. Но что ж ты маленький такой, какой же ты маленький... Есть такая песня, кажется.

– А то!!! – заорала я исключительно в целях дезориентации противника. – На себя бы посмотрел! Держать дистанцию научись, приятель!

– Та-ак! – моментально мобилизовался он. Как я могла забыть, что мужчина на ТАКОЙ машине в атмосфере крика и наезда чувствует себя как дома. – То есть вы хотите сказать, девушка, что в данной ситуации виноват я? Я?

– А не надо на меня наваливаться. – Я на всякий случай отодвинулась от края машины, чтобы он не притер меня к ней. Не люблю безвыходных положений. – Я-то в чем виновата?

– То есть вы считаете нормальным вот так ехать и вдруг остановиться?! На ровном месте?! Посреди дороги?! На скорости в семьдесят километров в час?!

– В шестьдесят, – пискнула я, пытаясь отвернуться от его сверлящего взгляда. Хотя, если честно, в его словах была доля истины. Он-то не видел эту помесь всех дворняг района, стоящую в ожидании трамвая посреди дороги. Однако, согласитесь, когда на вас посреди города орет владелец красивого джипа – это несколько обидно.

– Не вопрос! Значит, вы считаете, что это – нормально?! – Мужчине явно хотелось справедливости, а поскольку моя справедливость была противоположна его, я не смогла сдержать чувств.

– Ненормально! – всхлипнула я. – Но чтоб вы знали, я просто не хотела вредить этой собачке. Она же живая. Хотя вы точно бы плевали на все и ехали бы напролом, верно?! Вы же просто живодер!

– О чем вы? – сморщился он. – Какая собачка?

– Черт ее знает, – любезно пояснила я. – Возможно, помесь кавказца, но не скажу с чем. Морда тонкая, как у таксы. Но не такса. Не тот размер. И еще лохматая, так что даже не скажу...

– Послушайте, дорогая, сосредоточьтесь. Вы о чем? – Товарищ взял меня за плечи и немного встряхнул. Это уж и вправду показалось мне оскорбительным. Ведь я просто ответила на его вопрос.

– Это вы, дорогой, включите «думатель»! Я остановилась, чтобы не врезаться в собаку. Так что это не я, а вы ни хрена не понимаете! Понимаете? Это ведь вы въехали мне в зад, а не я вам! И вообще, если бы вы были хорошим водителем, то знали бы, что по статистике семьдесят процентов аварий происходит по вине водителей-мужчин, которые по своей природе склонны ездить более аварийно...

– Бесподобно! – выдохнул вдруг мой оппонент. Я подняла на него глаза и растерялась, потому что он, оказывается, хохотал. Ржал, как лошадь. Даже лицо просветлело, ей-богу.

– Что вас так насмешило? – окончательно возмутилась я. – Вы, конечно, не знали, но я вас уверяю, что женщины водят гораздо спокойнее. И успевают вовремя затормозить, даже перед собачкой. В отличие от вас, сильного пола на больших джипах.

– Девушка, хватит! Я умру от смеха. – Владелец заводов, газет, пароходов и пистолетов с автоматами демонстративно поднял руки вверх, показывая, что он сдается. Но разве можно остановить женщину, которая решила сказать все, что она думает?

– А вам не смеяться надо бы, а плакать! – Я нравоучительно подняла вверх указательный палец. Но этот поганец только еще веселее смеялся. – Это ведь из-за вас я теперь опаздываю на обед к мужу! И шиитак теперь не пожарю с кальмарами. Черт возьми вас с вашим джипом, и вообще, между прочим, нет никаких данных о более слабом интеллекте людей с рецессивным геном.

– Господи, а это вы о чем?! – вытаращился он. Кажется, теперь ему даже нравилось то, что происходит.

– А о том, что белые волосы вместе со светлым цветом глаз появляются у тех людей, которые являются носителями рецессивного гена. Более слабого гена, если вы не поняли...

– Я понял! – давился от смеха он. С чего бы? Кажется, я ничего смешного не говорила.

– Никаких данных о слабости интеллекта при светлом цвете волос нет. Это только лишь расхожее мнение самодовольных мужиков, к коим вы, видимо, относитесь. Но даже в этом случае я должна вас расстроить, ибо мои волосы – крашенные! Я – шатенка!

– Что? – поразился он. – Вот теперь вы сразили меня наповал. И вы так спокойно в этом признаетесь? Обычно женщины в лепешку разобьются, но не признаются в таком позоре.

– Конечно! – не стала спорить я. – Мужчине, который бы меня интересовал, я бы тоже не призналась. Но при чем тут вы?

– Ах так! И это вы говорите мужчине, который, по вашим же собственным словам, въехал вам в зад?! – хищно улыбнулся он. Я замолчала, остекленев, и осталась стоять с раскрытым ртом. Кажется, у меня еще сильно-пресильно покраснели щеки. Когда я поняла, сколь двусмысленную фразу произнесла за минуту до этого. Этот нахал самодовольно улыбался.

– Что вы себе позволяете? – дрожащим голосом попыталась спасти положение я.

– Не так уж много для человека с низким интеллектом. Я ведь мог и не понять аллегории, высказанной вами. И тенденция понимать буквально категории фразеологических оборотов, применимые исключительно в переносном смысле, могла быть свойственна мне как представителю класса субъектов с однопроцессорным монозадачным мышлением.

– Что? – растерялась я. Теперь была моя очередь таращиться на него.

– Это я про зад! – радостно пояснил он. – Но я даже рад, что вы это сказали, потому что теперь вы покраснели. И, чтоб вы знали, вам это очень идет.

– К вашим услугам, – выдохнула я, помолчав минуту. И, не в силах сдержаться, тоже прыснула со смеху. Мы стояли, облокотившись на мою машину, и ржали, поглядывая друг на друга. Это ж надо, чего только не наговорят друг другу два относительно нормальных человека, поставленных в нестандартную жизненную ситуацию. Въехал в зад! Как у меня только язык повернулся.

– Послушайте, а если честно – как нам теперь быть? Мне, в общем-то, надо ехать на работу, а я тут с вами застрял. Что будем делать-то? Ведь машину-то я повредил, и довольно сильно, что обидно на самом деле!

– Ох, что ж мы стоим и хохочем, как идиоты! – всплеснула руками я. – Надо ж вызывать ГАИ!

– Разумная мысль, – кивнул он. – Вас как зовут?

– А что? – дернулась я. – Это что, нужно для вызова ГАИ?

– Это нужно, – усталым тоном разъяснил он, – чтобы я мог обращаться к вам не только «эй, ты!». Впрочем, если вам так удобнее...

– Ксения, – чопорно ответила я.

– Григорий! – задрал нос он. – Что дальше? Я могу набрать «02», но не уверен, что с мобильного это сработает.

– Наберите код города, я уже вызывала, так получится, – посоветовала я. Григорий набрал номер и принялся ждать соединения. Потом он долго объяснял, что у нас случилось, где мы стоим, с какой стороны Крылатских Холмов, и что никто не пострадал.

– Сказали ждать, – развел руками он. – А что, вы раньше уже попадали в аварии?

– Вот еще! – дернула плечами я. – Не дожидетесь. Вы у меня первый!

– У вас что, такая привычка – изъясняться двусмысленностями? – усмехнулся он.

Я тоже рассмеялась.

– Почти всегда. Мой муж говорит, что, если отбросить мои профессиональные разговоры и общение с клиентами, в остальное время я мелю чушь. Черт, муж! Я же должна быть дома!

– Готовить обед?! Впервые вижу, чтобы замужняя женщина так сильно переживала, что не успеет приготовить мужу обед, – восхищенно причмокнул он. – И где делают таких женщин? Я бы там прошелся, присмотрел себе... парочку.

– Так и думала, что вы бабник. Вдобавку к тому, что вы хам и самодовольный тип, получается забавный коктейль. Не боитесь, что все женщины в ужасе убегут от вас?

– От меня женщины редко приходят в ужас, – мурлыкающим тоном похвалился он, заставив меня усмехнуться. Тоже мне, Ромео напололам с Казановой. И почему все мужики уверены, что лучше их на свете только их сыновья? Откуда в каждом из них живет такая непрошибаемая уверенность в собственной неотразимости? Вот бы и нам – дамам – перестать копаться в себе и смотреть на мир такими же царственными глазами.

– Это потому, что вы редко смотрите на них свысока! – решила поддеть его я. Ничего не могу с собой поделать, иногда я могу сильно задеть человека только потому, что он возмутил меня. Или даже просто так, если хорошенькая остренькая фразочка придется к слову. Как свежемолотый перец к хорошо прожаренному мясу.

– Да вы бываете злой, – нахмурился Григорий.

– Еще, бывает, храплю. – Я усмехнулась. – И что с того?

– Досадно. А я уже подумал, что умудрился разбить машину доброй женщине.

– С чего бы? Вы вроде не похожи на подростка. Или вы еще не пришли к выводу, что все женщины – стервы.

– Пришел-пришел, не переживайте, – кивнул он и посмотрел на часы. – Интересно. Сколько мы тут будем ждать ГАИ?

– Да уж, это вопрос! – огорчилась я. – Как ужасно, я не только не успеваю приготовить обед, но и рискую вообще на него опоздать.

– Все-таки как можно опоздать на обед к мужу? Что-то я не пойму, – с интересом спросил меня он. На этот простой с первого взгляда вопрос простого ответа не было.

– Начнем с того, что мой муж – не муж, поскольку формально мы разведены уже несколько лет. Тогда мы жили только в одной из комнат в квартире на Сухаревской и мечтали о счастливом дне, когда государство все-таки позаботится о нашем будущем путем раздачи бесплатных слонов. То есть даст нам как молодой, но уже разведенной семье отдельную квартиру. Муж бы остался прописанным на Сухаревской, и вариант действительно получился бы неплохой. Если бы не парочка «но».

– Наше государство раздает только инструкции и счета на оплату? – ехидничал Григорий. Мы сидели в его машине в ожидании ГАИ. Кожаный салон еще сохранял первозданный запах, машина явно еще не отмечала своей первой годовщины. Сияющая чистота салона странным образом контрастировала с легкой расхристанностью облика ее хозяина. Делать было, как говорится, нечего, и каждый развлекался по-своему. Я рассказывала ему о себе, а он заполнял протокол происшествия ОСАГО, положив его на свой толстый портфель. Возможно, он все-таки имеет какое-то влияние на женщин, а может, так действовала слишком неуютная погода: стоило мне начать рассказывать, и мне уже не надо было помогать. Меня, что называется, несло. Эффект случайного попутчика, не иначе.

– Примерно! – кивнула я. – Мы развелись, но перестройка, демократия, гласность, и государство уже само пошло побираться у всяких там европейских фондов.

– Все растащили, вам не досталось, – улыбнулся Григорий. Если отбросить смысл его слов, улыбка была вполне приятной. – Какой у тебя адрес прописки?

– У меня? Мы перешли на «ты»?

– Удивительные вы, женщины, существа. Всю жизнь готовы рассказать, а на «ты» перейти – нет.

– Осенняя улица, дом... Эта квартира досталась мне от мамы. С очереди нас сняли, но обратно пожениться мы как-то не удосужились. Не нашлось времени.

– Да и любой нормальный мужик в этой ситуации уже почувствовал бы себя свободным, – «обрадовал» меня этот мелкий мерзавец. Я поджала губы.

– Он просто увлекающийся! Это же очевидно, что после пятнадцати лет брака – тем более такого, как наш, чувства притупляются. Верно?

– Какого такого, как ваш? – заинтересовался Григорий.

– Мы поженились, когда мне и девятнадцати не исполнилось.

– Залет? Телефон домашний диктуйте, – деловито черкал ручкой он на бланке.

Я возмутилась. Никак не может та сложная и многогранная ситуация вложиться в одно короткое слово – залет. Это все мужчины, как же они все любят упрощать. И опошлять. Гады!

– Четыреста двенадцать, тридцать семь... При чем здесь залет? Еще ни одной женщине не удалось завоевать мужчину ребенком.

– Огромному количеству, я вас уверяю, – заверил меня мой случайный знакомый.

Вот уж воистину удивительный эффект. Так откровенно я не говорила ни с кем очень давно. Даже с Баськой. Потому что на работе надо заниматься работой, а во-вторых... она слишком хорошо меня знает, чтобы жалеть и утешать. Она сразу начинает говорить, что мне надо делать. А делать то, что предлагает Баська, мне совсем не хочется. Тем более что ее советы таковы, что она сама не может их применить даже к себе. Уважай себя! Живи полноценной жизнью! Не впадай в зависимость! Не позволяй себя игнорировать!

– Самое обидное, что он не принимает меня как личность. Я для него просто домашний атрибут, что-то вроде дивана. Старый, а выкинуть жалко...

– А вы личность? – иронично поднял бровь он.

– Для вас, мужиков, – только тот личность, у кого есть чемодан с деньгами. Или два.

– Это не так, – смягчился он. – Совсем нет. Для нас личность тот, кто имеет большой счет в швейцарском банке и кто смог обойти нас по служебной лестнице. А всяких козлов с чемоданом денег полно. Среди бандитов, например.

– А вы что, их презираете? – удивилась я.

– А вы что, решили, что я сам из бандитов? – Григорий даже оторвался от протокола и пристально посмотрел мне в глаза. Надо же, как от его взгляда пробирает. Интересно, всех или только меня? Вроде бы и нет в нем ничего особенного. Ну, мужик, ну, в джипе. Ну, колючий, пронизательный взгляд. И все же хочется или сбежать на край света, или моментально согласиться на все его условия. Станный такой эффект. Как будто чувствуешь, что эти глаза много раз вот так же смотрели на людей, которые после этого падали замертво от выстрела его пистолета.

– Вот еще! – на всякий случай замотала головой я, хотя именно так и решила. И причем никак не тянул он на нормального среднестатистического бандита. Если уж начистоту, то он не просто бандит, а что-то типа их авторитета. Сидит и решает, кому жить, а кому умереть. С таким взглядом можно самую суть человеческую увидеть. Или даже нет, он не авторитет. Он, скорее всего, какой-нибудь особенный киллер. Холодный, спокойный, расчетливый. Ничего личного, только бизнес... брр. Григорий молчал, но его молчание не было безопасным. Он просто молча смотрел на меня, как опытный охотник, рассматривающий сомнительных достоинств добычу на предмет того, брать ее или не брать. Может, пусть еще побегадет, подрастет.

– Конечно, решили! – Он довольно хлопнул себя по коленке. – И что думаете – я опасен?

– С чего вам это в голову пришло? – У меня вырвался нервный смешок, мысль о том, что я сижу в большущей дорогой машине с мужчиной, о котором совершенно ничего не знаю, и так откровенна, напугала меня. Захотелось на улицу, в дождь. И еще я подумала, что не очень понимаю, зачем он заполняет этот протокол, да еще и с таким старанием, словно не он в меня врезался, а я в него. Ведь ни одна разумная ГАИ никогда не присудит ему выигрыш: слишком исчерпывающе его автомобиль влит в мой бампер. Так зачем, зачем ему понадобился

мой адрес и данные паспорта? Ой, сдается мне, что снова я нашла себе неприятности на голову, будь они неладны.

Глава третья, в которой, собственно, ничего другого от меня и не ждали

Иногда так получается, что одна-единственная мысль, пусть даже маленькая, но острая, как нож, рассекает человека пополам, отнимая способность мыслить здраво и взвешенно. Человек в силу своей природы способен оставить без внимания очень многое. Грубость речи, неказистость манер, непрезентабельная внешность или не слишком-то хорошее мнение о себе у собеседника – все это может не привести к окончанию дискуссии. Но если вдруг, пусть даже не очень-то преднамеренно, один вызовет у другого приступ беспричинного страха, всякое общение становится под угрозу. Страх – самый жесткий тормоз для человеческой психики, который только можно представить. Самое ужасное, что как профессионал я прекрасно понимаю, что у страха глаза велики и что, испугавшись, человек уже не в состоянии определить объективную степень опасности. Понимаю, но сделать-то что я могу? Если вспомнить эпикальный фильм Тарантино «Криминальное чтиво», то там очень ярко и четко показан подобный феномен. Пара парней без особых мозгов, способностей и устрашающих приемов заходят в гостиничный номер к троем или даже четверым, не помню точно, таким же молодым и сильным парням, мгновенно вгоняют их в ступор, произнеся лишь фразу «мы от Марселлоса Воллеса». Далее они продолжают беседу о всяческой ерунде и даже пытаются вовлечь в свой разговор тех, к кому они, собственно, явились с разборками, но хозяева номера просто парализованы ужасом. Они боятся вовсе не этих вполне спокойных парней, спрашивающих их о завтраке. Нет, они приходят в ужас от своих собственных представлений о том, как именно должны действовать в подобных случаях люди, пришедшие от «Марселлоса Воллеса». Их фантазия подсказывает кошмары столь ужасные, что они и слова-то вымолвить не могут, не то чтобы попробовать договориться полюбовно, отдав, например, деньги. Естественно, с людьми в подобном состоянии можно сделать все, что угодно. И когда Григорий, ласково глядя мне в глаза, спросил, считаю ли я его опасным, то я тоже инстинктивно испугалась. Естественно, не его конкретно, а своих представлений о том, что и как могут сделать со мной бандиты. Если я, конечно, попадусь к ним в лапы.

1. Убьют. Очень страшная версия, причем, чтобы впасть от нее в ступор, совершенно не требуется ответа на вопрос «а зачем им это надо?».

2. Изнасилуют. Тут... м-м-м... есть проблема. Ну зачем им это надо, у них что, при их возможностях, не хватает своих девушек? Однако все равно, как любая ценящая себя женщина, я на всякий случай рассмотрела и такой вариант.

3. Примутся использовать в своих интересах. Правда, непонятно, в каких интересах можно использовать меня. Воровать я не умею и моментально выдам себя, стоит только кому-то пальцем в меня ткнуть. Я до сих пор переживаю, если у меня нет денег на чай официанту, а вы говорите – воровать. Воровки из меня точно не выйдет, проще меня сразу кончить. Пополнят мною полк продажных женщин? Если как честная особа я еще хоть как-то могу цениться, то на ниве продажной любви я сразу не выдержу конкуренции. Я даже оральным сексом не умею заниматься как подобает, если верить моему супругу. Так что проку от меня никакого.

4. Отберут все деньги. А вот тут уж дудки. Денег у меня практически нет. Не может же их заинтересовать сумма в пятьсот долларов. Или может?

5. Украдут меня и примутся шантажировать мужа. Вон с каким интересом Григорий все о нем выпросил. Ну, так не на того напали. Котик будет красиво клясться, что все сделает для моего спасения. И даже, может быть, будет рыдать в трубку. Но денег не даст ни копейки, а пойдет и напишет заявление в милицию.

6. Будут бить. Абстрактный страх, основанный, скорее всего, на просмотренных по телевизору криминальных сериалах. Там обязательно кто-то бьет кого-то по лицу, а у того из уголка губ течет живописная струйка крови. Причем далеко не всегда у этого мордобоя есть какая-то актуальная причина. Или я просто смотрю эти фильмы кусками с середины и ничего не понимаю? С другой стороны, если я приеду домой со стружкой крови из края губ, доползу до своего этажа и упаду без сознания прямо на руки к супругу, мне совершенно точно не придется отвечать на его сакраментальное «и почему ты опоздала?».

– Вот интересно, о чем вы сейчас думаете? – неожиданно спросил меня Григорий громким голосом, оборвав мечту на том самом месте, где Котик торжественно вносит меня в дом прямо на руках и пробуждает к жизни поцелуем. Я повернулась к товарищу киллеру и попыталась всмотреться в его бесчестные глаза, чтобы понять, какой из шести вариантов может оказаться ему ближе всего.

– О том, что с моей стороны было глупостью вот так сесть к вам в машину. Можно было подождать ГАИ и в «Фобии». Но вы правы. Я считаю вас опасным, да...

– В фобии? – уставился на меня Григорий. – В каком смысле?

– А, это? – неопределенно взмахнула рукой я. – Моя машина. «Фобия». «Фабия», в смысле, но муж ее всегда так зовет. Это, говорит, не лечится.

– Отлично! Крашенная любительница собачек на фобии! Повезло мне. Послушайте, только не обижайтесь. Я понимаю, что вы личность и все такое. Но ответьте мне честно – вы психолог?

– Что? Как вы догадались? – Я раскрыла от удивления рот.

– Профессиональная смекалка, – пространно пояснил он, весьма довольный тем, что угадал.

– Так вы бандит? – решила на всякий случай уточнить я, пока он вроде бы улыбался и был в хорошем расположении духа.

– А вот скажите, психолог, что во мне навело вас на такую мысль?

– Ну, как вам сказать... чтобы не обидеть, – растерялась я.

– Меня можно и обидеть, большой проблемы не будет. Так что смело режьте правду матку.

– Ага, а потом вы меня...

– Я, между прочим, еще не сказал, что бандит.

– Но и не инженер ведь, верно? – приперла я его к стенке. – Вы амбициозны, возможно, умны, но чтобы это заявлять наверняка, недостаточно общего впечатления. Надо проверять. И степень вашей креативности мне неясна. Зато вы как рыба в воде, когда попадаете в стрессовые ситуации. Вы отлично умеете давить, приводить человека в незащитное состояние. Обладаете харизмой. И, кажется, умеете управлять людьми, хотя тут, опять же, надо проверять. Так... что еще... Высокая эго-сила, склонность к доминированию.

– Уже неплохо! И кем же я могу быть, по-вашему, если не считать «брatка»? – Григорий заинтересованно смотрел на меня. Я удивилась, неужели ему это и вправду интересно? Или у него все еще сохранилась неудовлетворенность, при которой человеку страстно хочется вести долгие беседы о нем самом? Не похоже, такое качество более характерно для людей нереализованных, малоинтересных в глазах окружающих. Таких постоянно игнорируют, но какое отношение это может иметь к моему «пациенту»?

– Вы с одинаковой степенью вероятности можете работать во внутренних органах, но только на высоких постах. Среди бандитов. Или, если брать бизнес, то вы можете управлять какими-нибудь людьми. Большой группой. Быть главным в чем-то.

– Слушайте, это все здорово, но может быть сказано любому. А кем бы я точно не мог быть?

– Я совершенно не вижу вас служащим. Ни одним из тех, для кого требуется уважение к вышестоящим. Вы можете отлично чувствовать себя, играя в рискованные игры, но не станете рисковать по мелочам. Я не вижу вас биржевым брокером. Эти игры сродни казино, и сдаётся мне, риски такого уровня не для вас, – я сощурилась и пристально посмотрела на него. – А ещё – ещё я не вижу вас в качестве аналитика любого уровня. Вы не из тех, кто проводит все время в обществе сухих справок и отчетов.

– А это ещё почему?

– Ещё потому, что для аналитика требуется умение взвешивать все варианты, проводить логические сравнения. Вы же (я очень извиняюсь) спокойно выдаёте шаблонные данные за истинные. Блондинки не могут водить машины. Ни один аналитик так не сказал бы! – Я с удовольствием отыгралась.

– Интересно! Значит, служащим я быть не могу? – ещё раз уточнил он. – А вдруг?

– Ага, это прямо в глаза бросается. И давно у служащих такие зарплаты? – Я кивнула на его машину.

– Понятно. В России на джипах ездят только бандиты или олигархи. Что-то такое я и предполагал, – удовлетворенно кивнул он и принялся вписывать в протокол данные с моего паспорта.

– Это почему же?

– Да потому что психология для женщин – своего рода хобби. Ваша оценка лишь немного дальше отошла от шаблона «бизнесмен на джипе».

– Вы ничего не поняли! – возмутилась я, но господин «темная лошадка» жестом попросил меня не продолжать.

– Не важно. В принципе, вы перечислили варианты довольно точно. Придаться могу лишь только к тому, что вы приняли меня за бандита. А к ним я никогда не имел отношения. Так что браво... – Григорий делано зааплодировал.

– Хватит издеваться! – разозлилась я. – Когда вы допишете этот чертов протокол?

– Все готово! Так вы действительно профессионально занимаетесь психологией?

– Нет, я по субботам хожу на встречи дилетантов. – Я так разозлилась, что не могла себя контролировать. – Мы там пьем чай и говорим о мужиках!

– Без обид! – поднял руки он. – Просто любая дама, начитавшаяся глянцевого журналов и выучившая наизусть пару тестов оттуда, тоже мнит себя психологом.

– Никогда не стоит доверяться первым тридцати секундам, – заметила ему я. Меня уже порядком утомила наша перепалка. – Что ж ГАИ-то не едет? Он уже скоро дома будет, а меня там нет.

– Кто он? – растерялся Григорий. – Ах да, муж. Ну, в целом я закончил и могу ехать.

– Как ехать? – не поняла я. Мы просидели у него в машине около полутора часов, интересно, зачем, если мы не ждали ГАИ.

– У меня машина застрахована, так что я могу ехать, – с отстраненным видом пояснил он. – Повреждение одной детали мне сделают и так. А у вас есть страховка?

– Нет, – растерялась я. Пока мы жили с мужем, страховка, конечно, была. Но без него у меня ни разу не хватило силы воли выкинуть целую кучу денег на бумажку, в которой я к тому же ничего не пойму.

– Именно поэтому я и составил для вас этот протокол. Если дождётся ГАИ, они составят вам справку, и моя страховая компания починит ваш зад.

– Пошлак! – усмехнулась я и взяла свой экземпляр протокола. Он глазами кивнул на дверь, ясно давая понять, что больше меня не держит. Я все-таки сказала спасибо и вышла на дорогу. Мой муж, конечно, вышел бы передо мной и открыл мне дверь. Он всегда сохранял галантность, даже когда выставлял меня из дома. А этот возмутительный Григорий Не Пойми Кто даже не шевельнулся. Но странным образом мне не показалось это таким уж вопиющим

недостатком. Наверное, это аура сильной личности. Хочется заранее одобрять все, что она (личность) вытворяет. Люди всегда, во все века умели чувствовать тех, кто сильнее. И мой многовековой инстинкт говорил мне, что никого сильнее этого Григория я еще в жизни не видела.

Я села в «Фобию», про себя подумав, что он, наверное, все-таки бандит. В машине было сыро и холодно, особенно после теплого кожаного салона внедорожника. Я включила радио, погрела руки в теплом воздухе от печки – двигатель еще не успел остыть, так что тепла не пришлось долго ждать. Скосила глаза на неаппетитную кучу хлама, выпавшего из бардачка на сиденье пассажира. Назад я решила не смотреть, чтобы не расстраиваться.

– Надо бы уже наконец все выкинуть! – громко вслух сказала я. Да-да, просто это не так-то легко – собраться с силами и разобраться с вещами. Это сколько ж нужно времени!

– Время! – ахнула я и посмотрела на часы. И сразу же впала в самую настоящую истерику. Муж уже вполне мог подъезжать к дому. В эту самую минуту он даже мог бы проезжать прямо мимо меня, стоящей на аварийке посреди дороги, с битым бампером. Кошмар. Я принялась судорожно набирать «02», чтобы выяснить, что за хрень творится: в течение почти трех часов к нам так никто и не приехал. Какое-то время меня изнуряюще информировал о какой-то ерунде автоинформатор. Я совсем уже было отчаялась, но наконец трубку сняли. На мой вопрос мне не ответили, но обещали помочь.

– Запишите телефон! – сухо инструктировала меня девушка-оператор. Таких возмущенных, как я, у нее, наверное, было еще человек десять. Я записала телефон ГАИ района, но там мне сообщили, что это не их район, а район их коллег из Мневников. Они заботливо дали мне другой телефон, где сначала было занято, как в ЕИРЦ по рабочим дням, а когда трубку все-таки сняли, меня обрадовали тем, что это тоже не их район.

– Как же так! – страшно возмущалась я. – Мне везде сказали, что ваш.

– Где именно «везде»? – ядовито поинтересовался дежурный.

– Там, в этом отделении!

– А вы им скажите, чтоб не переваливали с больной головы на здоровую. Вы около какого дома стукнулись?

– Около четвертого, – присмирела я от его напора.

– Это – их территория. И звоните им, разбирайтесь! – удовлетворенно повесил трубку слуга народа. Я хотела было перенабрать, уточнить границы участков, но броненосное «занято» снова и, по-видимому, навсегда, воцарилось по его номеру. Я уже не без душевного трепета набрала первую контору, но там мне снова велели разбираться с теми, из того отделения. И добрым голосом сытой акулы предложили мне обратиться в центральное управление с жалобой.

– Что же мне делать? Мне-то надо домой, – еле сдерживая слезы, спросила я у дежурного по части, явно недавно вернувшегося с обеда и мечтающего пару часиков покемарить.

– Вы умудрились столкнуться на границе двух участков. Запаситесь терпением. Начальство решает вашу ситуацию, – «подбодрил» меня он. После этого я решила не держать в себе стресс и стала бить кулаками по рулю со словами «сволочи», «козлы» и «уроды». Это мало мне помогло, а часы между тем показали время «Х», то есть тот самый час, когда я должна была открывать двери Котику, стоя в проеме в обольстительном шелковом платье с разрезом, а на столе должен был дымиться морской коктейль с тайским супом. Шиитаки, опять же... Снова и снова повторяя про себя «ну почему я?», я плюнула на ГАИ и помчалась домой, теша себя надеждой, что Котик попал в пробку, и я хотя бы успею переодеться. Хотя бы накраситься!

– Ксенька, ну, наконец-то! – устало выдохнул Котик, стоило мне только выбежать из лифта. Супруг сидел на батарее около мусоропровода и курил. Судя по удобно стоящей перед ним банке из-под консервов, курил он тут уже давно.

– Ты уже приехал? – скисла я.

– Естественно! Ты на часы-то смотрела?

– Ага! – горестно кивнула я.

– Эх, если бы я вовремя вспомнил, к кому еду, я бы подкатил к ужину. Но извини, дорогая, я забыл. И поэтому приехал вовремя, как дурак. Даже чуть раньше, ибо закладывался под пробки. Но без тебя их не случается. Все ты собираешь. Что, расскажешь мне сейчас еще про одну?

– Я просто попала в аварию, – начала я жалобно оправдываться, открывая дверь. Почему любые оправдания выглядят жалко, независимо от того, насколько они правдивы?

– Естественно. Глупо после стольких лет снова рассказывать про пробки. Пора начинать рассказывать про аварии. Дорогая, можешь не напрягаться. Мне совершенно неинтересно, почему и где ты задержалась. Меня это совершенно не удивило. Вот если бы ты встретила меня в платье и накормила бы обедом – я бы действительно был потрясен. А так – все в порядке, дорогая. Все в порядке!

Конечно, после этого было бы глупо надеяться на то, что наш обед примирения пройдет удачно.

Впрочем, еще с утра можно было понять, что сегодня был просто не мой день. Но что поделаешь, если обстоятельства сложились именно таким образом, а не каким-то иным. Я стояла перед Котиком, издерганная аварией и последующим долгим ожиданием, ненакрашенная, даже неумытая. Что мне оставалось делать, особенно если учесть, что струйка крови из угла моих губ так и не текла? Что может придумать в таком случае человек с высшим психологическим образованием и двумя сертификатами международного образца? Естественно, я рыдалась.

– Ты не представляешь, как я испугалась! – хлюпала я, влетая в квартиру. Супруг недоверчиво приглядывался, определяя степень достоверности моего рассказа. Тогда я принялась размазывать остатки вчерашней туши по лицу.

– Он что, сильно ударил тебя? – наконец соизволил поинтересоваться Яша. Да, забыла сказать, Котика в миру именовали Яковом. Такой вот Котик Яшенька.

– Ужасно! Скорость – семьдесят километров в час. Хорошо еще, я ехала, а не стояла! И потом, это какой-то жуткий внедорожник, черный – так что он наверняка бандит! Ты не представляешь, что я пережила, – я продолжала нагнетать обстановку. На всякий случай дошла до кухни, прихрамывая.

– А как машина? – сосредоточился на самом главном Котя.

– О, не так плохо. Бампер погнулся, но главное, нет никаких особенных повреждений. Даже странно. Словно весь удар пришелся по мне! Кажется, этот мерзавец даже не пытался тормозить, – вдохновенно врала я.

– И только бампер погнуло? – удивился он. Еще бы, если на самом деле Гриша почти успел затормозить. Но поскольку у мужа еще виднелись кое-какие сомнения в выражении лица, я решила прибавить красок.

– Меня же отбросило вперед! На двадцать метров, не меньше. Слава богу, передо мной не было машин, а то бы страшно подумать... Просто повезло! Милый, не достанешь с полки аспирина? Ужасно болит голова. И, кажется, трясет озноб...

– Деточка! – умилился наконец Котик и приступил к исполнению спектакля под названием «очень заботливый муж». Мой идеальный мужчина заварил мне чай, усадил меня в кресло, предварительно обмотав теплым пледом, и, конечно, сразу нашел аспирин. Не сомневаюсь, что если бы он не нашел его в аптечке, то точно бы сходил за ним в аптеку. Вот таким был мой муж, ну разве его не стоило простить? Где, интересно, я смогу взять еще такого молодого (относительно), симпатичного, мужественного и ласково-благородного субъекта? Да и неудивительно, что он нравится не только мне.

– Спасибо, дорогой. Ты уж прости меня, ладно? Я так хотела приготовить тебе суперский обед. Боже, как мне стыдно. Так и не смогла ничем тебя порадовать! – Слезы снова полились из глаз, теперь уже практически по собственной инициативе. Он явственно переживал и отворачивался, стараясь скрыть от меня эмоции. Но разве ж такое скроешь от психолога! Мысленно я уже потирала ручки. Кажется, все вышло даже лучше, чем задумывалось.

– Хочешь, я приготовлю обед? – красиво предложил мне мой рыцарь.

– Нет, не надо. Сейчас я встану и что-нибудь придумаю...

– Ни в коем случае! Тебе вообще надо показаться врачу! Вдруг у тебя сотрясение, с этим шутить нельзя, – засуетился Котик, наливая в кастрюлю воды. Ну что ж, раз ему так хочется, я не стану мешать варить пельмени. Он набросился на них со всей мощью голодного мужчины. Надо же, он действительно прибежал ко мне со всех ног, даже не перекусив. Может, он действительно так сильно меня любит, а я просто не умела этого замечать? Котик встал, подошел к окну и долго внимательно рассматривал что-то в окне. Если бы я его не знала, то могла бы подумать, что его отрешенный взгляд означает душевную муку и погружение в себя. Но я-то знала, что он пытается высмотреть, хорошо ли запаркована его машина.

– Яша, скажи, неужели нам все еще надо жить по отдельности? Ты же видишь, я очень сильно изменилась. Да и ты тоже, мой дорогой. Признаться, я очень сильно по тебе скучаю. А ты, ты скучаешь по мне? – начала я свой разговор. Дорогой дернулся и перешел в комнату. Я не отставала.

– Ну, конечно, скучаю, – ответил он.

– Зачем тогда мы мучаем друг друга? – продолжала я гнуть свое. – Что еще мы можем понять? Наша дочь страдает оттого, что мы не вместе. Разве не будет лучше, если...

– Подожди, Ксень, не гони лошадей. Если ты сейчас засыплешь меня в этой своей чепухе, я не смогу сделать ничего, – как-то слишком серьезно сообщил мне он.

– Что ты... что ты имеешь в виду? – запнулась я. Все-таки, наверное, было бы лучше в платье и с шиитаками. А то как-то мы с ним совсем не в сторону примирительного секса рулим. Знаю я этот его философский настрой. Как правило, он кончается предложением начать экономить деньги. В те стародавние времена, когда мы жили в одной комнате из трех на Сухаревской, такого рода философские беседы о бренности бытия и бессмысленности лишних денег на простоквашу велись регулярно. И потом, собственно, довольно долгое время Котик не мог привыкнуть к его внезапно улучшившемуся материальному положению и старался экономить на всем. Сначала чтобы выкупить вторую комнату, потом третью. Потом... просто ради удовольствия.

– Я имею в виду, что нам надо серьезно поговорить, – пояснил он. – Ты помнишь, что я за этим пришел.

– Ну да! Поговорить о НАС! – радостно кивнула я и высунула из-под пледа оголенное плечо. Работаем телом.

– Но я боюсь, дорогая, не совсем в том смысле, о котором ты думаешь, – задумчиво продолжил он. – Черт, как же это тяжело.

– Что тяжело? – Я мгновенно подпрыгнула с кресла. Даже хромота прошла от дурных предчувствий.

– Эх, милая, если бы ты только знала, как много бы я дал, чтобы все было иначе...

– Слушай, не надо вот этой твоей романтической белиберды. Что ты хотел мне сказать? – довольно резко спросила я. Эх, все-таки не умею я еще должным образом себя контролировать. Котик беспомощно огляделся, зацепился взглядом за бутылку с бренди.

– Будешь? – любезно предложил он и уцепился за пару бокалов. Я кивнула. А почему бы и не выпить. Что-то подсказывает мне, что не счастливое соитие меня ждет. – Понимаешь, милая, все не так просто. У меня в жизни сейчас совсем другой расклад. И я искренне надеюсь на твое понимание. Ведь ты психолог! И еще какой!

– Не надо комплиментов, – сморщилась я. Это была как раз та тема, которую лучше было бы не начинать, потому что лично я принималась орать прямо сразу. – Если бы ты помнил об этом, когда требовал, чтобы я бросила СВОЮ БЕСПОЛЕЗНУЮ РАБОТУ, мы бы не расстались!!!

– Ксения, не начинай, я прошу тебя, – устало отмахнулся он.

– Вообще-то это ты начал. Я так просто, напомнила, – мрачно сказала я. Все, примирение лучше отложить на другой день. – Может, перенесем разговор на другой день?

– Зачем?

– Ну, я устала, у меня была авария. И ты явно на взводе. Поговорим потом, когда оба успокоимся, – мирно предложила я. Я знала, что «отложить на потом» – это самое любимое для моего Яши блюдо, перед которым он никогда не может устоять. И верно, на его лице появилось мечтательное выражение, которое он не без некоторых усилий подавил.

– Нет. Не могу. Нельзя тянуть дольше. Я должен. Должен, понимаешь? Я скоро женюсь! – выдавил наконец он.

– Что? – еле слышно, одними губами, переспросила я.

– Да! – заторопился с объяснениями он. – Ты понимаешь, все не так просто. Я с ней встречаюсь уже давно. А в последние полгода у нас все стало так серьезно. И я ничего не могу поделать.

– С кем? – Я была в ярости. Женится?! Он женится?! И почему я ничего об этом не знала? Значит, мадам Пуазон не исчезла с его горизонта, а, наоборот, окопалась? Или это не она, а вообще кто-то третий?

– С собой! Естественно, с собой. Она же просто... просто... у нас все серьезно. Ты не подумай, я много переосмыслил. Я тебя не оставлю, я буду тебе помогать, я понимаю, что такое «долг». Все будет хорошо. Хорошо...

– Ты считаешь? – Я улыбалась, хотя мне хотелось найти кнопку и взорвать весь мир, который кружился вокруг меня.

– Ну конечно! – Он жалобно улыбнулся. – Ты такая красивая, молодая, ты еще встретишь того, кто по достоинству оценит тебя. Того, с кем ты сможешь по-настоящему быть счастливой.

– Да что ты? – неподдельно удивилась я. – И что дальше? Что там по твоему сценарию я должна сказать? «Вау»? И пожелать тебе счастья? Или даже спросить, что подарить на свадьбу? А тебе не приходило в голову, что ты испортил мне всю жизнь? Что это из-за тебя я потратила свои лучшие годы!

– Дорогая, тебе надо успокоиться. Хочешь еще бренди?

– ДА!!! – гаркнула я и пошла на него. Трудно сказать, чего я хотела больше – вцепиться в его красивую мужественную шею или выпрыгнуть из окна. Впрочем, в шею все-таки больше.

– На, держи. Успокойся, пожалуйста. Не волнуйся, все нормализуется.

– Уходи, – я с трудом заставила себя выдавить это такое правильное, такое верное и подходящее слово, которое звучало во мне как погребальный звон. Потому что сейчас он еще разок нальет мне бренди, еще побормочет про то, что все будет хорошо, причем у всех, а потом – потом он просто выйдет за дверь моего дома и выдохнет с облегчением. Почему? Потому что для него вся эта история будет кончена. Эта «история» – это почти шестнадцать лет моей жизни и практически вся моя душа – она будет кончена для него. Он закурит сигарету, когда выйдет из подъезда. Потому что он никогда не начинает курить в лифте, чтобы не доставлять неприятностей людям, которые будут спускаться или подниматься после него. А я буду судорожно курить одну сигарету за другой, потому что теперь он уже больше никогда не вернется в мой дом в качестве мужа, по крайней мере. И с этим ничего, совсем ничего нельзя поделать, потому что если уж мой муж решил и сказал: «Я женюсь на другой!» – это значит, что между нами действительно все кончено. Иначе этот трус ни за что бы на такое не решился.

Глава четвертая, в которой хорошо просматриваются перспективы

Если взять и разделить всех моих клиентов на какие-то условные группы, то их получится не так и много. За десять лет моей работы в наш Центр развития личности обращалось много людей, но всех их можно разложить по отделениям картотеки в регистратуре, и никто из них не останется один. Во-первых, всех клиентов можно разнести по половому признаку. К нам обращаются женщины и... и, собственно, практически все. Да-да, как ни удивительно, но девять клиентов из десяти (при хорошем раскладе) – бабы. Я по крупницам накапливала опыт работы с мужчинами, хотя могу сказать, что реальный КПД у них гораздо выше женского. Мужики больше нацелены на результат. Милым дамам, я извиняюсь, лишь бы поприятнее «потрендеть». Отсюда моя первая, самая многочисленная группа: Клуб по интересам. Вредный Гриша из внедорожника был совсем недалек от истины, говоря, что для большинства женщин психология – своего рода хобби. Это только кажется, что человек обращается к психологу, чтобы решить проблему. Есть такая присказка: «Сколько человек нужно, чтобы поменять лампочку? Нисколько, потому что лампочка поменяется сама, когда придет время и она будет готова к переменам». Эта шуточка подходит к большинству моих клиентов. Они вообще не планируют менять лампочку. Ну и что, что не горит. Подумаешь! А мы пока просто посидим, поговорим, пообщаемся...

Ищущие любовь – романтическая категория, с которой можно работать бесконечно. Принцев в мире уже практически не осталось, поэтому алчущие любви напоминают искателей философского камня. Зато такие клиентки редко прекращают терапию. Они с редким упорством пытаются убедить меня, что дело не в них, а в том, что не осталось просто хороших мужиков.

Особняком среди клиентов стоят те, кто просто хочет замуж. Работа с ними имеет шанс завершиться победой.

Золотоискатели – это те, кто с помощью тренингов пытается двинуть свою карьеру вперед. А что, не так уж это бесполезно, как может показаться с первого взгляда. Особенно если в правильном месте проводится правильный тренинг. Очень жаль, что это я не про наш центр. Достойной программы бизнес-тренингов у нас нет. Мы маленькое муниципальное образование, существующее на дотации. Зачем нам это? По крайней мере, так считает наш директор, а мое мнение – кому оно интересно, в самом деле.

Клиенты с проблемой в общении – их не очень много, так как большинство из них не находит в себе сил даже дойти до психолога. Проблема в коммуникации одна из самых легких и понятных в терапии, но работать с ней приходится не часто.

Группа любителей эзотерики. Стабильно подваливает на мероприятия с кодовыми названиями «Познай себя», «Истина в открытости», «Духовная практика Чжань-Янь-Ёу» и тому подобные междусобойчики буддистского толка.

«Семейники». Это мои любимые. Терпеливые борцы за семейное счастье в условиях полного непонимания и игнора со стороны второй половины. С этими клиентами действительно работать очень интересно. Если и не интересно, то как минимум выгодно. Эти женщины ходят ко мне годами. Независимо от результата. В большинстве случаев после долгой изнурительной работы мы находим ответ на все их вопросы. Какой? А все тот же – «во всем виноват только ОН».

Если у вас вдруг возник вопрос, почему я, собственно, не обозначила группы людей, стремящихся к развитию личности, раз уж наш центр так называется, то ответу – в теории

очень многие хотели бы что-то в себе глобально поменять или открыть, но на практике никто ничего подобного не делает. И не только не делает, но и панически боится, вплоть до бегства. О, как старательно люди лелеют свои комплексы и недостатки, как трясутся над своими проблемами. Не приведи господи даже намекнуть им на то, что решение есть, что оно простое и вполне исполнимое. Разорвут. Так что лично я стараюсь не лезть на рожон и, как профессиональный психолог, даю людям именно то, чего они так сильно жаждут.

– Доктор, а как долго я еще могу рассказывать о своих проблемах?

– Сколько хотите, у меня почасовая оплата! – Это тоже из репертуара анекдотов в курилках. Думаю, все психологи меня поддержат в том утверждении, что «клиент меньше всего хочет сделать то, о чем он мечтает». Но самое паршивое во всем этом, что и мы сами – психологи – недалеко от своей яблони упали. И мы сами точно так же сидим и ждем у моря погоды, которая никогда не налаживается. Нас всех слегка штормит. Вот только у меня в последнее время жизнь все больше и больше напоминает цунами. С тех самых пор, как мой супруг вознамерился связать себя узами Гименея с обладательницей неограниченных запасов «Пуазона», я с головой ушла в работу. Я дневала и ночевала около монитора нашего системного компьютера, я раздавала направо и налево умные советы целыми чемоданами, отчего с нашего сайта, где я являюсь модератором, потихоньку начали исчезать не только новые люди, но и старички.

«Брусничкина, с тобой все в порядке?» – с удивлением спросил меня мой коллега «Faust», психолог из Питера, с которым мы уже много лет переписывались и обменивались новыми интересными методиками.

«Конечно! А что тебя не устраивает?» – удивилась я. С кем с кем, а с ним у меня всегда было полное взаимопонимание на почве профессионального призвания.

«Ты посоветовала восемнадцатилетней девочке на сносях бросить своего мужа? Это что, шутка?» – спросил он. Я фыркнула и застучала по клавишам. Стук моих пальцев разносился в темноте закрывшегося центра. Весь мой стол был заляпан следами от чашек с кофе, в пепельнице громоздились окурки. Я спасала человечество. И эту девочку тоже.

«Пусть она лучше убежит от него сейчас, чтобы не оказаться брошенной и одинокой!» – упорствовала я.

«Она скоро родит! И что, ей оставаться одной? Это такой новый путь не для средних умов?» – ехидно уточнил Faust.

«Если уже сейчас он устраивает ей скандалы и истерики, лучше его сразу выгнать вон».

«Мать, он устраивает ей скандалы, потому что она отказывается рожать в роддоме, как хочет он, и собирается рожать дома, прямо в ванну с хлористой водой. И ты считаешь, что она должна его выгнать?»

«Все мужики не стоят ни одной нашей слезинки! – Я исступленно затушила сигарету. С момента нашего неудавшегося обеда прошла неделя, за которую муж ни разу мне не позвонил. Я была просто в ярости и даже хуже. В отчаянии».

«Ксюх, что случилось? Я-то ведь тоже в какой-то степени мужик», – высветил мне экран.

Я поддерживала форум с темой «Как заставить мужа выполнить мою просьбу». Надо признать, что тема форума не была мне близка. Вот если бы девочка спросила, как сделать мужу очень больно, я писала бы ей рецепты до завтрашнего утра.

«И что с того? Ты считаешь, что мы, женщины, должны спускать вам ваши штучки с рук?» – агрессивно ответила я.

Начала бы я с совета «успей его бросить еще до того, как он бросил тебя». Брось его сразу, как только он признался тебе в любви.

«Вы, женщины, не знаю. А вот тебе пора начать спускать пар. Я тут посмотрел кое-куда. Вчера по теме „Что такое настоящий мужчина“ ты написала, цитирую: „Настоящий мужчина – дьявол, от которого надо успеть убежать, пока он не проник в тебя и не влил смертельного

яду“. Брусничкина, люди могут подумать, что ваш центр начал пропаганду лесбиянства!» – продолжал «докапываться» Faust.

Я подумала, что еще я посоветовала бы девочке обязательно сказать ему, что в постели хуже его только старый импотент.

«Между прочим, лесбиянство возникло не на пустом месте. С мужчинами жить практически невозможно. И теперь, в условиях научного прогресса, когда уже есть доступная всем база доноров спермы, женщина вполне может обойтись...»

«Сама! Я понял, можешь не продолжать. Только имей в виду, что если ты и дальше будешь так же мешать личное и работу, то работу-то ты точно потеряешь. Я бы тебя уже уволил».

Faust как-то неожиданно отключился, и я осталась на форуме одна. Совершенно одна. Снова. Только теперь уже на форуме. Я с недоумением посмотрела на молчащий экран. Он что, обиделся? Тоже мне, фифа какая. И чего я такого уж сказала? Я перешла в другой раздел сайта. Там шло бурное обсуждение того, в каких вузах России можно получить действительно хорошее образование психолога. Но стоило мне только авторизоваться и написать «Привет всем!», как мне тут же ответили (причем со всех сторон):

«Брусничкина, отвали. Мы все уже поняли, какой мерзавец твой муж в частности и все мужики вообще. Дай людям поговорить».

«Да я просто хотела сказать про МГУ...»

«Хотела про МГУ, а скажешь наверняка про то, что так поступить мог только мерзавец. Не надо, ок?»

«Не хотите, не буду. Ничего вам больше не скажу», – обиделась я и отключила компьютер.

В комнате было тихо. Наш центр располагался на цокольном этаже жилого дома, находился в пяти троллейбусных остановках от Октябрьского Поля. Две комнаты, где проводились тренинги. Кухня, где хранили чай и документацию. Бухгалтерия, скрепленная с гостиной. Коридор, вечно завешанный одеждой посетителей и заставленный коврами и матами. Часть наших тренингов проводилась на матах и напоминала собой замедленную гимнастику. Телесно ориентированные методы в последнее время становились все более модными.

Я прошла на кухню и заварила чай. От кофе меня уже тошнило. Одним из преимуществ работы модератором было право иметь собственный ключ от офиса, что давало дополнительные возможности приема частных клиентов. А сейчас это спасало меня от необходимости по вечерам сидеть в пустой квартире, где я просто не могла находиться. Я присела у краешка барной стойки, посмотрела на мутную жидкость в стакане и поняла, что сейчас снова расплачусь. В который раз за эту неделю.

– Мне очень плохо! Что мне делать?! – снова я набрала Баськин номер, хотя и понимала, что ее я уже достала так, что скоро она пристрелит меня из дробовика.

– Ба, что еще случилось? Во-первых, успокойся и не рыдай. Я не понимаю ни слова из-за твоего этого воя. Ну, что такое? – деловито начала она. В первые дни Бася часами сидела со мной, выслушивая мои жалобы и воспоминания. Но сейчас она уже научилась сокращать сеансы до получаса. В среднем.

– Очень плохо. Хочется повеситься. Или утопиться. Или закрыться в квартире и умереть от голода.

– Это весь список или найдется еще вариант? – хмыкнула Баска.

– Тьма! – заверила я ее.

– Давай ограничимся краткой версией. Расскажи подробнее, как именно тебе плохо. Что именно чувствуешь в теле? – спросила она тоном лаборанта в генетической лаборатории. Сейчас меня разберут до последнего винтика, почистят, смажут спиртом, подмазят и соберут обратно. Буду как новенькая. Сколько раз я сама задавала те же самые вопросы этим же тоном и даже не представляла, как это может быть противно.

– Мне хочется встать на подоконник и кричать на весь город. Кажется, что скоро лопнет голова. Я просто не представляю, как жить дальше.

– Без него? – подковырнула болячку Баська. Я остановила поток эмоций и задумалась.

– Да. Я хочу, чтобы, когда мое мертвое тело будут соскребать с асфальта, он стоял бы рядом и рвал на себе волосы, не в силах вернуть меня обратно.

– Ну, мать, сама догадаешься, или все мне придется разжевать и в рот положить? – удовлетворенно и радостно спросила она.

– Ты о чем? Подожди, я тебе еще не рассказала, какой у меня образ моего страха и боли.

– И какой же? – иронично уточнила она.

– Это как комок в области сердца. И горла. Черный, склизкий, готовый меня поглотить.

– И что это за комок? – заинтересовалась подруга. – Что тебе хочется с ним сделать?

– Комок? О, он ужасный. Он причиняет мне такую боль! Очень страшную, такую больше ничто не сделает. Он словно пожирает меня изнутри.

– Это понятно, – согласилась Баська. – И что ты с ним можешь сделать, чтобы не чувствовать эту боль?

– О, я бы его разорвала! Я бы его утопила. А лучше я бы сбросила его с высокой горы и посмотрела, как он превратится в кляксу.

– Стоп, достаточно! – хлопнула Бася.

Кличку «Баська» она получила за то, что любого встречала громким хлопком и кричала: «Ба, какие люди!» От ее хлопка и этого самого «Ба!» люди дергались. Многие говорили, что чуть не начали заикаться. Вот и теперь от ее хлопка я дернулась всем телом. Надо бы тоже научиться так хлопать.

– И что скажешь? Подсознательный страх перед одиночеством? Паническая атака? Сублимация? Латентный конфликт мужского и женского? – перечисляла я варианты. Наверное, для врачей самое сложное – это лечить коллегу. Думаю, что и у нас это точно так же. Потому что самое интересное в том, что ни один врач практически никогда не сможет выставить себе верный диагноз. Также и психолог: никогда сам не допрет до своей проблемы.

– Замолчи, невыносимая. Что ты несешь? У тебя банальная обида, синдром «брошенной»! – огорошила меня она.

– Что-о? – возмутилась я. – Да с чего ты взяла?

– Да с того! Ты только почитай свои опусы на сайте! Или поговори с Машей, которую ты извела рассказами о том, как надо быть осторожнее с мужиками. И вообще! Смотри сама: ты рассказываешь о тяге к самоубийству, но не просто так, а чтобы на глазах у мужа, который обязательно будет рвать на себе волосы. Самоубийство – это идеальный сценарий ухода, возможность бросить того, кто бросил тебя. Отомстить. Показать, кого он потерял.

– Самоубийца никогда не учитывает, какая будет реальная реакция на его поступок, – недовольно пробормотала я. Как это ни противно, а Баська-то права.

– Идем дальше! Твой склизкий комок – невысказанная обида. Тебя бросили – и ты хочешь тоже этот комок бросить, разбить в лепешку. Тут, мать, дело не в любви. Ты хочешь мести. А? Что скажешь?

– Что тут сказать? Я, конечно, человек не злопамятный...

– Просто ты злая, и у тебя хорошая память, – усмехнулась Баська и принялась снова вправлять мне мозги. В принципе, я могла бы догадаться и сама. Конечно, после почти шестнадцати лет брака очень противно оказаться у разбитого корыта. Тем более что теперь Котик – это совсем не тот Котик, за которого я выходила замуж. Бедный студент МГУ, повернутый на науку. Теперь он – бизнесмен, спекулирующий землей, успешный человек. Что же получается? Такая красота – и достанется кому-то другому? А я теперь должна жить, осознавая, что меня бросили?! Я решительно затушила сигарету и снова набрала номер Баськи.

– Чего тебе? – устало вопрошала она.

– Знаешь, что я решила? – заинтриговала ее я.

– Знаю! – Она вздохнула, как доктор перед безнадежным пациентом.

– И что? – озадаченно спросила я.

– Ой, можно подумать, есть масса вариантов. Сто пудов, ты решила отомстить ей и вернуть его себе. Да?

– Ну, не совсем... – растерялась я от ее проницательности.

– Значит, угадала. Слушай, мать, но ведь ты же не ребенок и должна понимать, что ничего не выйдет.

– Почему-у? – расстроилась я. Еще за минуту до этого я все так здорово придумала. Я устраиваю операцию «Буря в пустыне», в результате которой свадьба накрывается медным тазом, Пуазониха спасается паническим бегством, а Яша на коленях вымаливает у меня прощение. Где-то перед этим я делаю суперуспешную карьеру психолога (об этом я всегда на всякий случай мечтаю), становлюсь самой известной женщиной Москвы, блистаю в высшем обществе и покоряю сердца самых неприступных мужчин России, примерно таких, как Григорий. И естественно, мой муж, как только понимает, какая женщина была им потеряна по собственной дури, тут же на всех парусах примчится ко мне за прощением и любовью. И вот тут, после того, как рыдающая Пуазониха растает в холодной утренней дымке, чтобы не возвращаться оттуда никогда, я холодно подам Котику руку для поцелуя и отвечу:

«Извини, дорогой. Но лучше нам остаться просто друзьями. Все-таки ты отец моей дочери и навсегда останешься мне родным человеком. Звони, если у тебя что-то случится...»

– Дальше я удаляюсь вдаль в сопровождении самого крутого магната России (или политика, как вариант), который держит меня под руку с такой нежностью, словно я редкой красоты и ценности бриллиант.

– Значит, ты уже все придумала, как я понимаю? – выдернула меня из сладких снов Баська.

– Ага, – потупилась я.

– А вот скажи мне, зачем тебе на самом деле нужно его вернуть? Ну, кроме сладкого удовольствия послать его после этого? Есть что-то, для чего он тебе нужен? – Она отчетливо зевнула, поскольку время было уже явно не детское. Но выбора у нее не было: не так уж часто подруг бросают мужья. Я задумалась над ее вопросом. Конечно, прошла всего неделя, и еще трудно что-то говорить с уверенностью, но...

– Точно так, он действительно мне очень нужен, – призналась я, чуть успокоившись. Умение не врать хотя бы себе самой я всегда считала своим самым эксклюзивным достоинством. – Иначе я не знаю, как мне жить.

– Или другими словами, на что, – закончила за меня она.

– Ну а что тут такого? Он хоть и сказал, что будет мне помогать, но я-то знаю, что он мне больше не позвонит. Ты же понимаешь, я теперь не его проблема! У него теперь есть кого содержать, а я останусь как есть, с квартирой, в которой нет даже стиральной машины-автомата, с битой машиной и с зарплатой, близкой к прожиточному минимуму. Если бы ты знала, как я устала стирать руками, – вот теперь я плакала совершенно настоящими, неподдельными слезами.

– А знаешь, вот в этом вопросе я тебя очень хорошо понимаю, – неожиданно подключилась Баська.

Хотя чего удивляться. У нее-то, собственно, зарплата такая же, как и у меня. Тем более что она все-таки больше модератор, а я еще и консультирую, и веду тренинги. Впрочем, если так дальше пойдет, то, как пугал меня Faust, скоро меня лишат права практиковать.

– И самое обидное, я ведь прекрасно знаю, что для него вся эта любовь – простая блажь. Ему же в том году сорок стукнуло, так что наверняка потянуло на молоденькую: свежее тело, восхищенный взгляд.

– Слушай, а что ты о ней знаешь? – заинтересовалась Бася.

– К сожалению, почти ничего, кроме того, что она ярая поклонница Диора. Впрочем, может, просто мой олух подарил ей эти духи, вот она и льет их на себя. Понравиться старается.

– А на самом деле? Лилька ее видела? Только не говори, что ты еще не вытрясла из нее все самые мелкие детали.

– Как ты можешь подумать, что я стану использовать ребенка в таких корыстных целях! – возмутилась я. По правде говоря, если бы из Лильки можно было бы вытрясти еще что-то, я бы сделала это обязательно. Но она уже и так рассказала мне все, что знала, но знала она немного. Домой Котик новую пассию еще не водил, предпочитая самому не появляться по несколько дней подряд. А из его телефонных разговоров стало понятным только то, что невеста папочки работает с ним на одной фирме, она с ним «закрутила» именно там. Служебный роман. Но кто она – секретарша с огромным декольте или уборщица, вечно крутящаяся перед глазами на полусогнутых (это все мои домыслы, sorry) – неизвестно. Только ее имя – Зоя. Зоя! Как собачья команда, право слово. «Фас!» «Фу!» «Зоя!».

– Ксюх! Брусничкина, ты перебираешь. Нормальное имя, – заступилась за разлучницу Бася.

– И ты, Брут!

– Я просто про имя. Мне, например, оно нравилось, я даже думала так дочь назвать.

– У тебя же сыновья! – удивилась я. Она запнулась на секунду.

– Ну, если бы она у меня была.

– Если бы да кабы. А мы имеем проблему – мне надо любой ценой вернуть себе мужа.

– Или хотя бы его кошелек, – хитро добавила подруга. Я разозлилась. Нет, я все понимаю, мы уже не дети, и я отдаю себе отчет, что вернуть я хочу прежде всего свой неожиданно рухнувший образ жизни. Но мне-то от этого не легче. Так что шути не шути, а я так и езжу на разбитой машине, без страховки, и в старых сапогах. Впереди зима, а моих доходов с трудом хватит на квартплату и овсянку. Интересно, на что я буду покупать бензин? Без машины мне придется добираться до центра около двух часов. Я и сама живу довольно далеко от метро, и центр тоже расположен так, что пешком и за три дня не дойти. Интересно, как я буду работать?

– Знаешь, дорогая, я сейчас тебе один простой вещь скажу, но только ты не обижайся, ладно? – встряла в мои излияния Баська.

– Может, в следующий раз? – насупилась я. Потому что если Баська просит меня не обижаться, значит, я точно имею шанс услышать нечто отвратительное.

– А еще лучше никогда, верно? Нет уж, скажу. Если ты не найдешь способа разводить своего мужа на деньги, тебе точно придется увольняться и искать такую работу, за которую тебе примутся платить.

– Нет! – Я вскрикнула как от резкой боли. – Только не это!

– И тебе уж лучше прямо сейчас начать думать, что ты будешь делать в этом случае!

– Этого не будет. Я его верну. Я ее уничтожу. Зоя, тоже мне! Ни за что! На войне как на войне. Я еще понимаю, что она разбила мою семью, но почему она должна разрушить дело всей моей жизни? – Я металась по офису, как загнанный зверь. На самом деле, если и есть у меня что-то, без чего я никак не готова остаться, так это моя работа. Как бы скептически ни относились люди в нашей стране к психологии, я же застывала в восхищении, когда передо мной, как перед аккуратным хакером, возникала трепещущая тайна жизни. Там, в спокойном течении рабочего дня, я могла быть и чудотворцем, и лекарем, и палачом. Вот уже несколько лет я мечтала о том, что напишу диссертацию и стану наконец кем-то значимым в своей области. И уже было сделано немало. Я собрала огромные материалы, я много думала над концепцией моей работы, я уже почти готова была ее начать... И что теперь? Ради куска хлеба мне бросить все и начать обивать пороги отделов кадров в поисках хлебного места? Ни за что!

– Моя дорогая, это все здорово, но ты должна понимать, что, даже если ты станешь доктором наук (что, согласишься, не так просто), тебе все равно не заработать столько, сколько можно зарабатывать, продавая оптом кухонные комбайны или газировку. Или тупо работая на компьютере в каком-нибудь концерне, – «обрадовала» меня Баська.

– Нигде и никогда я не найду таких условий, как здесь, – всхлипнула я. – Я просто не могу так просто потерять все, чего добивалась столько лет. Мои тренинги, мои семинары, мой сайт!

– Тогда придумай, на что ты будешь жить.

– Это же так просто! Я должна сообразить, как расстроить эту дурацкую свадьбу. А потом я уж что-нибудь придумаю, как его снова вернуть себе. Все остальное неважно. Прямо сейчас надо сесть и подумать, как расстроить свадьбу. Черт, если бы я могла представить, что все пойдет так далеко, я бы уже давным-давно его заполучила. Я же знаю его как свои пять пальцев. Я знаю все, о чем он мечтает, что на него действует, что он любит. Мне просто надо собраться с мыслями и не допускать ошибок. У меня все получится.

– Уверена? – усомнилась Баська. Но отговаривать меня было бессмысленно. И не потому, что я была глуха к чужим словам. А только из-за того, что никакого другого выхода у меня не было. Если бы я смогла вернуть себе Яшу, то сразу все проблемы отступили бы в небытие. Во-первых, мне не пришлось бы увольняться с любимой работы, чтобы начинать погоню за куском хлеба. Во-вторых, я починила бы машину. В-третьих, и это тоже надо признать, мне слишком холодно и одиноко в пустой квартире, я хочу к нему, хочу засыпать, слушая его нервное, прерывистое дыхание. На самом деле я никак не готова быть «брошенной». Только не я!

Глава пятая, полная неожиданностей

Человек, как известно, предполагает, а уж располагает господь бог. Ничего не поделаешь, но мы действительно совершенно не представляем сегодня, что день грядущий нам готовит. Какие новые сюрпризы и нелепости. Что именно приведет нас в состояние шока завтра? Отчего мы придем в ужас послезавтра? Казалось бы, у человека нет проблем с фантазией, особенно в части придумывания всяческих кошмаров и страстей. Достаточно только почитать какую-нибудь газету, чтобы в этом убедиться. И все-таки, когда вопрос касается нас самих, мы опять-таки даже не в состоянии просчитать всю глубину замысла в нашем персональном фильме ужасов. И вот, стоит только решить, что все, хуже уже не будет, как жизнь с оптимистической улыбкой сообщает: будет-будет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.